
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК (903'15) (=512.157)

А. Н. Алексеев

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ В ЯКУТИИ

Проводится анализ артефактов, найденных археологами при раскопках V-IV культурных слоев поселения Улахан Сегеленнях, находящегося на реке Токко (бассейн р. Олекма). Методом радиоуглеродного датирования установлен возраст этих культурных слоев: 110 г. д. н. э. – 350 г. н. э. Артефакты в виде наконечников стрел, фрагментов сложносоставного лука, костяного амулета-подвески, монеты «у-шу» отнесены к кругу хунно-сяньбийских культур. На основании проведенного анализа интерпретируется возможный сценарий этно-культурогенеза якутского народа.

Ключевые слова: артефакт, этногенез, культурогенез, радиоуглеродная дата, наскальные рисунки, культурный слой, поселение, лук, наконечник стрелы, миграция, инфильтрация.

А. N. Alekseev

First Nomads in Yakutia

The analysis of the artifacts, found by archeologists during excavations of V-VI cultural layers of Ulakhan Segelennyakh settlement, located on the Tokko river (basin of Olekma river), is conducted. With a help of the method of radiocarbon dating the age of these cultural layers was established: 110 year B. C. – 350 year A. D. The artifacts formed as arrowheads, fragments of composite bow, bone amulet-pendant, coins “Wu-shu” were qualified as attributes of xiongnu-xianbei cultures. On the base of the conducted analysis a possible script of ethno-cultural genesis of Yakut people is interpreted.

Key words: artifact, ethno genesis, cultural genesis, radiocarbon dating, rock drawings, cultural layer, settlement, bow, arrowhead, migration, infiltration.

В XVII в., когда русские впервые пришли на территорию Якутии, они сразу же отметили, что, в отличие от других народов Севера, якуты являются оседлыми скотоводами, разводящими коров и лошадей, имеют зимнее жилье в виде стационарных деревянных домов-юрт, изготавливают разнообразную глиняную посуду, имеют опытных рудознатцев, искусных кузнецов и ювелиров. Отличия в языке и культуре выглядели настолько необычными, что к вопросам происхождения якутского народа был проявлен самый живой интерес. За многие годы изучения удалось в общих чертах воссоздать

панораму этнических процессов, способствовавших сложению якутского народа, его самобытной истории и культуры [1, 2]. Однако многие аспекты этой сложной проблемы в том числе вопрос о времени появления на Средней Лене южных предков якутов и их этнической идентификации, остаются не до конца решенными и требуют дальнейших исследований.

Тюркский этнический пласт имел важное значение в этногенезе якутского народа, что нашло бесспорное отражение в языке, мифологии, религиозных представлениях, основных чертах скотоводческого хозяйства, традиционной материальной и духовной культуре якутов. Считается, что этногенез якутов начинается с эпохи ранних кочевников, когда на западе Центральной Азии и Южной Сибири развивались культуры скифо-сибирского типа. Следующий этап проходит на фоне событий древнетюркской эпохи, под влиянием которой происходит сложение основ древнеякутской культуры [1]. Последнее обычно

АЛЕКСЕЕВ Анатолий Николаевич – д. и. н., главный научный сотрудник, профессор, директор Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук.

E-mail: secretar@igi.ysn.ru

связывают с культурой юч курыкан Прибайкалья, которые в V–VI вв. представляли собой племенной союз типа тюркского «эль».

Якутский язык относится к тюркским языкам, следовательно, якуты – это самый северный тюркский народ. Якутский язык рано отделился и изолировался от древнетюркской среды. Многие тюркологи полагают, что это событие могло произойти в V–VII вв. н. э. [1]. Известный лингвист О. А. Мудрак считает, что распад сибирских тюркских языков и дальнейшее обособление некоторых из них произошло около 420 г. н. э. [3]. Есть и более ранние датировки этого события. Например, группа авторов, основываясь на данных глоттохронологии, считает, что это могло произойти в III в. н. э. [4]. А. М. Щербак считает, что распад некогда единого тюркского праязыка и обособление якутского языка произошло за 7-8 столетий до создания первых древнетюркских рунических памятников [5, 6]. Эти даты в основе согласуются с археологическими датировками начальных этапов проникновения южных протоскотоводов на Лену.

Грамматический строй и лексический состав якутского языка очень близки к языку орхонских тюрков-огузов. В этой связи интересны факты обнаружения в Якутии рунических надписей и отдельных знаков орхоно-енисейского письма. Некоторые из них написаны минеральной краской (охрой) на приметных речных скалах вдоль рр. Лена, Олёкма, Марха, Сиинэ. Другая часть рун начертана на различных предметах, найденных при археологических раскопках и этнографических сборах. Попытки расшифровки этих рун предпринимаются давно. Еще в 1951 г. известный специалист по тюркской рунике А. Н. Бернштам, предварительно дав оценку, что это действительно рунические надписи, прочитал одну надпись как «аз йинчэ эд эб» – «азские бусы – добро», т. е. «место, где находится клад народа аз». Другую надпись он расшифровал как «мин алкатим» – «я благославляю» [6]. При раскопках древнеякутских поселений XIV–XVI вв. был найден костяной наконечник стрелы, на плоской стороне которого были прочерчены три руны [1, табл. VII, 7]. Эту надпись Е. С. Сидоров и А. И. Гоголев [7] прочли как «ага эль» – «союз, племя отца». В настоящее время имеются совершенно другие варианты чтения указанных надписей и различные расшифровки вновь выявленных надписей [8, 9, 10]. Не вдаваясь в подробности творческих поисков лингвистов-тюркологов, отметим, что для нас в данном случае важен сам факт наличия рунического письма в ареале расселения тюркоязычных якутов, поскольку это дает некоторые возможности для этноисторических и хронологических построений. Например, считается установленным, что орхоно-енисейская руническая письменность, подоб-

ная имеющимся в Якутии надписям, более или менее широко существовала в Сибири до X в. Исходя из этого можно полагать, что оставившие рунические письма люди, возможно, являющиеся предками саха-якутов, уже были в Якутии в X в. или по крайней мере не позднее XI в.

Еще более определенные свидетельства раннего проникновения на Лену южных этнических групп представляют нам археологические источники.

В бассейне реки Олёкма, правого притока р. Лена, нам удалось открыть древнее поселение, названное Улахан Сегеленнях. В этом поселении в четких стратиграфических условиях выделено 15 культурных слоев от неолита до позднего средневековья. Наибольший интерес представляют в данном случае находки предметов, характерных для древнетюркской культуры.

Так, в V культурном слое найдены срединная боковая и концевые роговые накладки сложносоставного лука. На срединной боковой накладке сделан прямоугольный вырез – место для срединной фронтальной накладки (рис. 1, 7). Аналоги такой накладки имеются в коллекциях археологических памятников средневековья Тувы, Алтая, Хакасии, Согда, Восточного Забайкалья, на территории расселения уйгуров. Сложносоставные луки, найденные в перечисленных районах, датируются разным временем, но все даты укладываются в рамки I тыс. н. э. Прототипы таких луков известны у хуннов. Концевые накладки луков, найденные в поселении Улахан Сегеленнях, имеют на боковых концах арочные вырезы для крепления тетивы (рис. 1, 5-6). Такие концевые накладки тоже характерны для луков хуннской конструкции III в. до н. э. – конца I тыс. н. э. [11]. А. Д. Степановым была проведена экспериментальная реконструкция с использованием найденных роговых накладок, в результате чего удалось восстановить сложносоставной лук хуннского типа, внешне сближающийся с кокзельскими и согдийскими образцами (рис. 1, 8) [12]. Заметим, что среди якутских древностей это не единственная аналогия с материалами кокзельской культуры Тувы. Исследователи давно уже отмечали необычную схожесть арочного орнамента якутов с подобным орнаментом керамики хуннского времени из Монголии, Забайкалья и Тувы. Д. Г. Савинов, отмечая приоритет и вклад С. В. Иванова в выявлении якутско-хуннских параллелей в орнаментальном искусстве, указывает, что особенно полно и выразительно эту схожесть демонстрирует орнаментация вазообразных сосудов кокзельской культуры Тувы [13].

Для V культурного слоя поселения Улахан Сегеленнях получена радиоуглеродная дата 1900±90 лет назад (ГИН-8384), исходя из которой калиброванная дата, т. е. календарное время этого культурного слоя

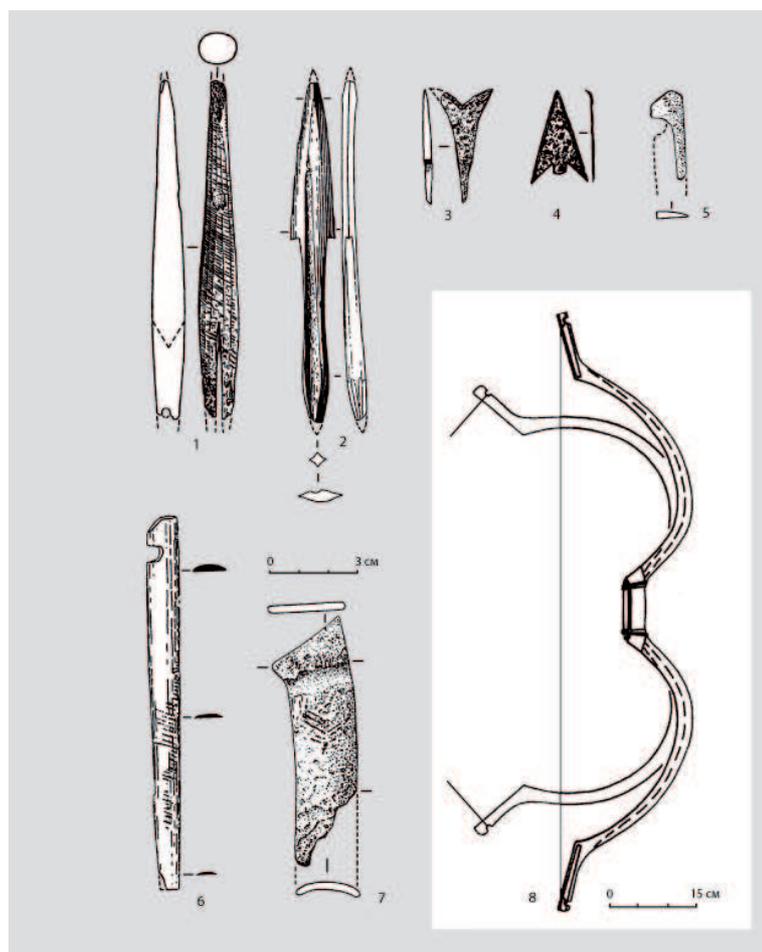

Рис. 1. Поселение Улахан Сегеленнях. V культурный слой: 1-4 – наконечники стрел (1,2 – кость, 3-4 – железо); 5-7 – концевые и фронтальные накладки лука (рог); 8 – реконструкция сложносоставного лука (по А. Д. Степанову 1999).

определяется в интервале 110 г. до н. э. – 350 г. н. э. [14]. Как видим, хронологический «разброс» очень велик. В таких случаях обычно принято ориентироваться на верхнюю дату. Соответственно, можно предварительно считать, что лук хуннского типа, найденный в V культурном слое поселения Улахан Сегеленнях, может быть датирован временем не позднее первой половины IV в. Разумеется, это не исключает и более раннее его появление на этом поселении. Например, А. С. Кириллин предлагал комплекс находок из V культурного слоя указанного поселения относить ко времени не позднее III века н. э., что может быть более верным [15].

Надо сказать, что в археологических и музейных коллекциях Якутии, при преобладании луков северного типа, встречаются сложносоставные луки, имеющие своим прототипом луки хуннской конструкции. Чаще всего они встречаются в поздняякутских погребениях. Подтверждением этому является находка

Р. И. Бравиной лука с фронтальной (срединной) костяной накладкой в погребении в районе сергеляхских дач [см. газ. «Якутск вечерний», 23 сентября 2013 г.]. Кроме того, два сложносоставных лука из Якутии, имеющие характерные конструктивные признаки «центрально-азиатских луков», хранятся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого [16]. В целом представляется, что сложно-составные луки, подобные луку, найденному в Улахан Сегеленнях, появились в Якутии в III-IV вв., в дальнейшем они несколько видоизменяются, но сохраняют свои главные исходные формы. Именно такие трансформировавшиеся луки археологи находят в поздняякутских погребениях и фиксируют их наличие в фондах музеев [17].

В V культурном слое поселения Улахан Сегеленнях вместе с фрагментами лука найдены наконечники стрел (рис. 1, 1-4). Типологически они находят широкие аналогии в вооружении кочевников Центральной Азии,

Рис. 2. Бронзовые (4, 5, 6, 7, 8) и железные (1, 2, 3) наконечники стрел.

в том числе в военном комплексе хунно-сяньбийцев. В других археологических памятниках Якутии раннего железного века найдены десятки железных наконечников стрел разной конфигурации. Часть из них вполне уместно соотносить с комплексом из Улахан Сегеленнях. Это, например, бесчерешковый и удлиненно-треугольный шипастый наконечники стрел, определяемые А. Д. Степановым как наиболее ранние и имеющие, на наш взгляд, исходные формы в хунно-сяньбийском круге культур [18]. Кроме того, железные и костяные наконечники стрел, очень схожие с хунно-сяньбийскими, имеются в сборах частных коллекционеров г. Якутска. С благодарностью отмечаю, что большую помощь мне в этих розысках оказали краеведы Попов В. Г. и Дьяконов А. В., последний сделал также фотографии, которые использованы в качестве иллюстрации в данной публикации (рис. 3).

По информации владельцев коллекций, имеющиеся у них наконечники стрел представляют случайные находки, подъемные сборы и обнаружены в различных районах Якутии: Хангаласском, Мегино-Кангаласском, возле устья Вилюя, окрестностях г. Якутска. По неуточненным сведениям и самым скромным подсчетам у частных коллекционеров только г. Якутска может быть около двух десятков железных наконечников стрел подобного типа, т. е. в Якутии они не редкость.

Описанный выше комплекс находок из V культурного слоя дополняют артефакты, обнаруженные в вышележащем IV «Б» культурном слое поселения Улахан Сегеленнях. Здесь найдена костяная пластинка с изображенными в профиль двумя конскими головами, развернутыми в противоположные стороны (рис. 2, 4). По манере исполнения, сюжету и даже расположению отверстия для ношения на шнуре, костяная пластинка

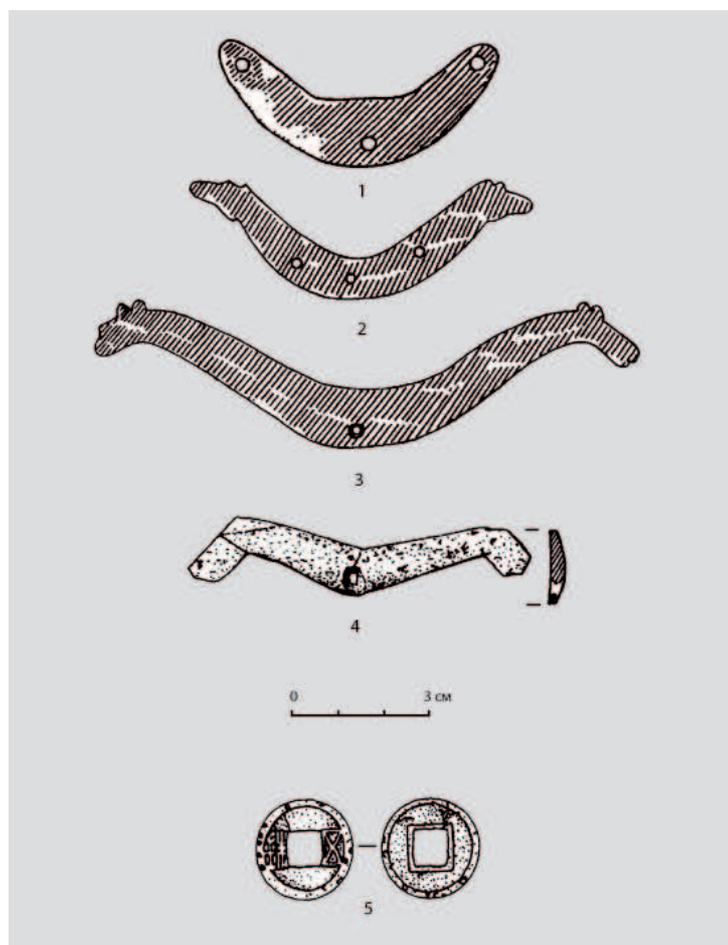

Рис. 3. Амулеты-обереги в виде конских головок: 1-3 – бронза, раннеташтыкская эпоха (по Л. Р. Кызласову 1960); 4 – кость, культурный слой IV «б»; 5 – монета «у-шу», поселение Улахан Сегеленнях

из Улахан Сегеленнях имеет четкие аналогии с амулетами, найденными в склепах изыхского этапа таштыкской культуры Южной Сибири [19]. Таштыкские скульптурки иногда делались из костяных пластин, но большей частью они были изготовлены из бронзы и дерева. При этом деревянные и костяные пластины чаще всего служили основой предметов и украшений, которые оклеивались плющенным золотом (фольгой), благодаря чему они приобретали вид массивных золотых вещей. Весьма вероятно, что пластина из Улахан Сегеленнях тоже являлась основой такого амулета-подвески. Л. Р. Кызласов отмечает тот факт, что на многих таштыкских пластинках головки коней изображены очень схематично: «Мы везде указывали, что это головки коней, хотя имеется большое количество пластинок, на которых головки изображены настолько схематично, что совершенно невозможно определить, конские ли это или какие-либо другие головы. Однако трудно было бы требовать от

каждого «таштыкца», который сам для себя создавал подобные предметы, художественного мастерства – кто как умел, тот так и делал» [19, с. 91]. Вероятно, художественная доводка, детальная прорисовка конских голов производилась после того, как костяная основа покрывалась золотой фольгой. Именно этим можно объяснить некоторый схематизм костяной пластинки-основы из Улахан Сегеленнях. Л. Р. Кызласов считает, что таштыкские пластинки являлись амулетами, которые носили, подвешивая на шнуре, вдетом в отверстие в нижней части пластины. На пластинке из Улахан Сегеленнях также имеется отверстие для шнура, что позволяет считать ее подвеской-оберегом, подобной амулетам таштыкской эпохи Хакасско-Минусинской котловины. Способ оклеивания деревянной или костяной основы плющенным золотом при изготовлении украшений был довольно широко распространен в Южной Сибири и Центральной Азии, о чем свидетельствуют находки таких предметов в гунно-

сарматских курганах Алтая, погребениях хунну Забайкалья и Монголии [19].

В этом же культурном слое поселения Улахан Сегеленнях найдены обломки костей, в том числе фрагмент метакарпальной кости быка (по определению Г. Г. Боескорова), которая является пока самым ранним и достоверным остеологическим свидетельством пребывания на Средней Лене древних скотоводов. Для этого слоя получена радиоуглеродная дата 1510 ± 140 (ГИН-8392). Калиброванное, или календарное, время культурного слоя IV «Б» охватывает значительный хронологический интервал от 200 до 900 г. н. э. Нижняя дата, возможно, может восприниматься как несколько удвоенная, но в целом датировка слоя «стыкуется» с нижележащим V культурным слоем поселения.

На контакте IV и III культурных слоев найдена монета с квадратным отверстием в центре. Реверс и гурт монеты гладкие. На аверсе, по бокам квадратного отверстия, имеются два рельефных иероглифа, выполненных в старинном китайском каллиграфическом стиле чжуань. Это характерные признаки монеты у-шу (рис. 2, 5). Е. И. Лубо-Лесниченко указывает, что монеты у-шу имели обращение в Китае с 118 г. до н. э. по 621 г. н. э., появление таких монет в Сибири связано с экспансией хунну в I веке до н. э. – рубеже н. э. Монеты у-шу, полагает исследователь, являются в Сибири показателем и датирующим признаком таштыкской культуры [20]. Известный знаток средневековой археологии Сибири Д. Г. Савинов [21] образно называет монеты у-шу своеобразной «визитной карточкой» хунну. Действительно, в археологических памятниках Центральной Азии и Южной Сибири такие монеты часто встречаются в вещевых комплексах, связанных с хунну. Вероятно, и в Якутии монета у-шу может быть одним из индикаторов хуннского или хунно-сяньбийского влияния.

О хуннских истоках этногенеза якутов говорится давно. Известный якутский историк Г. В. Ксенофонов еще в 20-30-х гг. прошлого века обосновывал гипотезу, что хунны являются прямыми предками якутов и именно их потомки в начале новой эры заселили Вилюй и Лену, став этнической основой сложения через много веков якутского народа. Даже тогда для постановки такой гипотезы имелись фактологические основания в виде коллекции местных древностей, имеющих корни в культуре хунну и в более поздней хунно-сяньбийской культуре. В настоящее время источники, свидетельствующие о хуннском участии в культуурогенезе якутов, стало значительно больше. Наиболее полное представление об этом можно получить из двух очень информативных статей Д. Г. Савинова [11, 21], где в результате анализа археологических источников и коррелирующих с ними наблюдений палеоэтнографического характера

убедительно доказано, что хунно-сяньбийский пласт в этногенезе якутов проявлялся более отчетливо, чем древнетюркский. Наши археологические материалы, рассмотренные в данной статье, дополняют и подтверждают выводы о хунно-сяньбийском вкладе в культуурогенез якутов.

Итак, в III-первой половине IV века в археологических комплексах Якутии появляются различные предметы степных культур, которые можно диагностировать как хунно-сяньбийские. Вместе с ними найдены кости быка, из чего возможно предположить, что уже тогда предпринимаются попытки культивирования скотоводства в новых для переселенцев природно-климатических условиях. Найденные в различных культурных слоях поселения Улахан Сегеленнях артефакты нельзя трактовать только как отражение торговых или обменных связей. Скорее в этом можно видеть свидетельство более или менее постоянного проживания здесь ранних кочевников или периодического посещения ими этого поселения на транзитном пути из Забайкалья или Предбайкалья в Приленье. Возможно, это были не переселенцы, а передвижные отряды конных степняков, которые собирали пушнину у подвластных лесных племен, чтобы откупиться ими от грозных орхонских каганов или вести торговлю с Китаем и среднеазиатскими государствами [22]. В любом случае эти визиты означали иноэтничные контакты и разноплановое влияние более развитых культур южных скотоводов на аборигенное население Ленского края. В целом находки Улахан Сегеленнях свидетельствуют о том, что инфильтрации ранних кочевников на территорию Якутии начались в гораздо более древнее время, чем принято было считать.

Многие исследователи обоснованно считают, что освоение Якутии южными переселенцами происходило в разное время и в этом длительном процессе участвовали разнородные этнические группы. Судя по имеющимся в настоящее время археологическим фактам, в числе первых переселенцев могли быть группы хунно-сяньбийцев и может быть с их приходом в Якутию связано распространение «акающего» диалекта якутского языка, который в дальнейшем проникает далеко на север [23, 24]. Позднее были инфильтрации других этнических групп, среди которых могли быть бома-алаты, енисейские кыргызы, хори-туматы и усть-талькинцы. Приход нового населения становится фактором этнокультурных трансформаций, происходит распространение их языков и культуры среди местных народов: «Размножались не новоселы, росло число людей, владевших их речью. Позднее такая тюркизация прошла по всей Евразии, потому тюркоязычные народы ныне столь многочисленны, а в происхождении каждого из них велика роль населения, первоначально по-тюркски не

говорящего. Отсюда и многообразие антропологического типа тюркских народов» [25, с. 37]. Подобный сценарий тюркизации применим и к Якутии, о чем мы неоднократно писали, называя местное население, вошедшее в состав формирующегося якутского народа, «палеоазиатами», имея в виду не современные палеоазиатские народы, а этнические группы аборигенов, этнонимы которых не известны науке [26, 27].

Говоря о движении южных скотоводов на север, обычно подразумевают переселение группы людей, по каким-либо причинам не ужившихся в степных политиях, либо видят в них беженцев, потерпевших сокрушительное поражение в ходе кровополитных и жестоких сражений. Не исключая подобную мотивацию, отметим, что движение на север могло быть и не связано с перипетиями политической и военной истории, а являлось естественной миграцией кочевых скотоводов, социум которых, как правило, испытывал демографический рост, т. е. вызвано самой природой номадизма. Известно, например, что, даже освоив благодатные степные участки Средней Лены, южане-скотоводы не остановились, а продолжили свой путь далее на север, хотя никаких политических или военных баталий здесь не происходило.

Миграция была длительным по времени процессом, в подходящих для скотоводства степных и луговых местах переселенцы капитально обустроивались и жили продолжительное время, иногда десятилетиями. В ходе постепенного движения с юга на север происходила успешная адаптация скота и хозяйства переселенцев к суровым условиям Севера. Так якуты постепенно донесли скотоводство почти до побережья Ледовитого океана. По признанию многих, в этом состояла очень важная роль якутов в межцивилизационном процессе и их вклад в мировую цивилизацию. Они сумели создать уникальную скотоводческую культуру и продвинули ее в заполярные районы Северного полушария, распространив скотоводство среди местных народов. Так далеко на север скотоводство не продвинул ни один народ в мире. Среди переселенцев были грамотные люди, оставившие рунические надписи на скалах Лены и предметах, найденных археологами. Продвигаясь на север, переселенцы оставили на писаницах возле деревни Шишкино в верховьях Лены прекрасные рисунки гордых всадников-знаменосцев, как бы возглавляющих движение кочевников в далекий поход, в неизведанные земли. Возможно, путь этих переселенцев начинался из Забайкалья, где имеются схожие с шишкинскими наскальные рисунки сцен перекочевок, процарапанные на полосах бересты и берестяных предметах из курганного могильника, датированного рубежом и первыми веками н. э. [28]. Среди рисунков Забайкалья особо интересны для нас изображения быков, тянущих волокуши с водружен-

ными на них кибитками, юртами и иной поклажей. Такое транспортное средство, бык и волокуша для перевозки всевозможных хозяйственных грузов, было обычным в жизни якутов-сельчан еще совсем недавно, в 1960-1970-х гг. Древние кочевники на быках и лошадях, оставляя на пути талантливые рисунки как своеобразные послания потомкам, шли в основной массе по степному «коридору» на запад и восток, но некоторая часть двинулась на север.

Как показывают материалы поселения Улахан Сегеленнях вкупе с другими археологическими и палеоэтнографическими данными, в III-первой половине IV в. они дошли до Якутии. Возможно, затем они составили один из важных этнических и культурных компонентов в этногенезе народа саха. Вероятно, именно этим объясняются многочисленные и разнообразные хунно-сяньбийские реминисценции в культуре якутов.

Л и т е р а т у р а

1. Гоголев А. И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск : Изд-во ЯГУ, 1993. – 200 с. : ил.
2. Борисов А. А. Современное состояние теории этногенеза саха // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 164-176.
3. Мудрак О. А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. – М.: Изд. РГГУ, 2009. – 189 с. : ил.
4. Слепцов П. А. Происхождение и развитие языка // Якуты. Саха. – М., 2012. – С. 107-122.
5. Новгородов И. Н. К многодисциплинарному исследованию истории якутского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск. – № 1, 2013. – С. 60-65.
6. Бернштам А. Н. Древнетюркское письмо на р. Лена // Эпиграфика Востока. – 1951. Т. VI. – № 6. – С. 76-87.
7. Сидоров Е. С., Гоголев А. И. Самая северная руническая надпись? // Якутский университет. – 1984. – 24 марта.
8. Кривошапкин А. И. Наследие предков. – Якутск : Изд. Офсет, 2008. – 290 с. : ил., табл.
9. Рафаилов А. М. Пять рун на хангаласских скалах // Якутия. – 2011. – 14 окт.
10. Левин Г. Г. Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII-IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). – Якутск : Издат. дом СВФУ, 2013. – 439 с.
11. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 268 с.: ил.
12. Степанов А. Д. К находкам остатков сложносостав-

ного лука на стоянке Улахан Сегеленнях на р. Токко // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 133-138.

13. Савинов Д. Г. Дотюркский пласт в палеоэтнографии якутов // Сибирский сборник–2: к юбилею Евгении Алексеевны Алексеенко. – СПб., 2010. – С. 68-81.

14. Алексеев А. Н., Дьяконов В. М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Наука, 2009. – № 3. – С. 26-40.

15. Кириллин А. С. Степь и тайга в I тысячелетии новой эры (в свете новых археологических открытий на юге Якутии) // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: тез. докл. – Улан-Удэ, Изд. бурят. науч. центра, 1996. – Ч. 1. – С. 53-55.

16. Васильев Ф. Ф. Военное дело якутов / под ред. Д. Г. Савинова; худож. В. Р. Андросов. – Якутск: Бичик, 1995. – 224 с.: ил.

17. Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV-XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 2008. – 295 с.: ил.

18. Степанов А. Д. Хронологическая характеристика железных наконечников стрел Якутии // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 116-133.

19. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1960. – 197 с.: ил.

20. Лубо-Лесниченко Е. И. Дальневосточные монеты

из Минусинской котловины (по материалам Минусинского края) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука, 1975. Т. 3. – С. 156-169.

21. Савинов Д. Г. Археологические материалы о южном компоненте в культурогенезе якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск: Изд. ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – № 2. – С. 59-72.

22. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ: Изд. Бурят. науч. центра, 1995. – 189 с.: ил.

23. Иванов С. А. Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). – Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. – Ч. 1: Фонетика. – 2004. – 124 с.: ил.

24. Иванов С. А. Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). – Ч. 2: Морфология и лексика. – Новосибирск: Наука, 2010. – 177 с.: карт.

25. Кызласов И. Л. Алтаистика и археология. – М.: Ин-т тюркологии, 2011. – 251 с.: ил.

26. Алексеев А. Н. К вопросу о происхождении якутского народа // Сборник научных трудов. Сер.: Филология – Якутск: Изд. Якут. гос. ун-та, 1994. – С. 61-70.

27. Алексеев А. Н. Происхождение якутского народа (по новым археологическим материалам) // Ученые записки Якутского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. – Якутск: Изд. Якут. гос. ун-та, 1994. – С. 131-154.

28. Кириллов И. И., Ковычев К. В., Литвинцев А. Ю. Сяньбийские граффити на бересте из могильника Зоргог-1 // Древняя и средневековая история Восточной Азии: к 130-летию образования государства Бохай. – Владивосток, 2001. – С. 266-272.

УДК 94 (571.56).084.8

С. И. Сивцева

НАСЕЛЕНИЕ ЯКУТИИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ: УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И БЫТА (1946-1950-е гг.)

Анализируются условия жизни и быта населения Якутии в период после Великой Отечественной войны, в 1946-1950-е гг., а также аспекты социально-экономического положения городского и сельского населения, влияние неурожайных лет на продовольственное обеспечение жителей сельской местности.

Ключевые слова: материально-бытовое, экономическое положение населения, неурожай, продовольственное обеспечение населения, условия жизни.

СИВЦЕВА Саассылана Иннокентьевна – к. и. н.,
доцент кафедры культурологии ИЯКН СВ РФ СВФУ имени
М.К. Аммосова.

E-mail: sivlana@list.ru